

30/VIII – 41 года. Последние дни я в Кривячке, скоро опять в Пищевку, опять одна радость, одно развлечение – письма, которых приходит оч. мало. Как буду работать?! Вчера получила письмо от Зины. Не пишет, почему долго не писала. Написала, что Вадим еще в Ветлуге. Ну, конечно, гуляет, наверно, с какой-нибудь девчонкой и не стал мне писать. Сегодня написала письмо Тане Белоруковой, может, напишет, с кем он гуляет. Надо мне писать Шуре Вишневу и Гале Смирновой, недавно получила, да не отвечено Вере, Марусе Б. и Любе Ром. Сегодня почты еще не было, хоть бы от Вади письмецо, но нет, нечего и ждать, если бы думал написать, так уж написал, а теперь вот я все думаю, что, может, взяли, а вот, видимо, еще не взяли. Ну, что сделаешь?! Насильно мил не будешь. Как-нибудь буду переживать измену. Написала письмо Марусе Б., Вере и Зине. Отнесла на почту и на обратном пути зашла к Марусе Бобровой (медсестра), у нее посмотрела фотокарточки, почитала письма, и пошла ко мне. Играли в парке на гитаре, она научила меня «перебиты, поломаны крылья». Теперь Маруся ушла, я долго сидела, играла и пела, и такая скука нашла! Все мысли о Вадиме, и никак не могу от них отвязаться. Сейчас решила, что, наверно, воспользовался моим советом и нашел какую-нибудь девчонку, и гуляет. Господи, как пережить этот период в моей жизни! Неужели это первая и последняя любовь?!

Еще приходит на мысль, что, может, затерялось письмо: я его отпустила в ящике на улице, и все подобные мысли лезут в голову. Так хочется плакать!!! Хоть бы случилось что-нибудь необыкновенное, чтобы мысли перебрались на другое. Сегодня в первый раз осознаю, что жалею Пушкина. Лучше бы гулять с ним, он бы стал писать, и не страдала бы так сильно. Дурочка, хоть бы в последний-то вечер сказать, чтобы писал письма, и то не додумалась сказать – гордость помешала. Теперь сиди и жди напрасно, ни от кого не получишь ни одного письма. Зине опять пришло письмо от Васи Петрова. Положу под подушку карточки Вадима и Генка, может, который и приснится, о том и буду думать.

7/IX – 41 года. Пищевка. Вот я опять в Пищевке! Как-то потечет жизнь дальше?! Приехала вместе с врачом на больничной лошади 4-го. Хотели обговорить с председателем насчет организации пункта, но он, как увидел нас, сразу уехал в колхоз. Осмотрели школы, и Т. М. уехала, а я осталась опять ни с чем. Получила письмо из дома, так мама пишет, что приехал Леся, и велела мне отпроситься на несколько дней домой за одеждой. Я написала в райздрав, но, думаю, что, наверно, не отпустят. А так хочется домой, прямо не высказать! Что здесь делать, как работать?! Вчера получила письмо от Зины и от Маруси Б. Маруся пишет, что Вадим все еще в Ветлуге, и она видела его в «Динамо», танцевал с какой-то девчонкой. Я просто не могу описать, что я почувствовала, когда прочитала! Это, видимо, есть чувство ревности! Я не знаю, как я все перенесу! Он, видимо, во всю гуляет с другой и забыл обо мне, а я так страдаю. Получила два письма от Петьки Игнашева. Зовет гулять, я ничего не отвечаю. Но до того ли мне! Кто может мне заменить моего хорошего, милого, любимого Вадо?! Если бы он знал, как я его люблю!! Сейчас Надя ушла в Кучериху, я одна. Сегодня выходной, надо написать несколько писем.

10/IX – 41 года. Сегодня встали в 6 ч., спали с Надей на печке, т. к. Надя что-то заболела и хотела прогреться. Вчера у

нас до 12 ч. сидели Петька и Гарька Зыков, все рассказывали о своем детстве, как начинали курить. Я так и ухоталась. Вышли с Надей по наволочке, теперь я вяжу кружева к нижней юбке.

Петька опять спрашивал ответ, я написала, что приглашай на гулянья, так тогда видно будет.

Только сейчас пришла из деревень. Ходила в Косиху осматривать школу, но она уже осмотрена: как зашла, все кричат: «Катя! Катя!» Ведь многие у меня лежали. Потом зашла в ясли, посидела с Шурочкой, очень уж я о нем соскучилась, потом заходила в ясли в Пятунине, в Вардугине. Там ребята опять провожали меня до большой дороги и несли чемодан. Надя ушла в Кораблиху, надо хоть написать письмо Зине, что-то на этот раз я задержалась с ответом. От Тани Б. ничего нет, хоть бы узнать что-нибудь о В. Да, видимо, он меня совсем не любил, даже не хочет писать письма. Теперь я совсем уж не думаю, что получу, раньше все была надежда, и как увижу почтальона, сердце забьется часто-часто. А теперь уж и не жду. Все, видимо, кончилось! Очень уж коротко было счастье. Сейчас буду писать Зиночке.

11/IX – 41 года. Вчера вечером ходили с Надей на гулянья. Танцевали русские танцы, потом «Колхозного» я с Петькой. Домой шли я, Надя и Петька. Потом Надя ушла спать, а мы посидели у нас в комнате. Одним словом – погуляли, но для меня это слово надо заключить в кавычки, т. к. никакого удовольствия я не получила. Интересный видела сегодня сон и хочу написать. Как будто я работаю в зарадном бараке, и мне М. И. несет письма. И вот я стала читать открытку. Пишет Прорывов из Алматы. Все что-то о познании нового и т. п., но все же я не дочитала, т. к. меня разбудила Ксения Лаврентьева. Сегодня надо идти в Дюково. Получила письмо от В. Кудряшова из Москвы, так была рада!

17/IX – 41 года. Вчера пришла из Шарьи. Много было в этот период переживаний и слез у меня. Ведь мне пришло из Райздрава разрешение съездить домой на 4-5 дней. Я отпросилась и 14-го уехала с Петькой в Шарью. Ехали почти половину дороги ночью. Приехала в Шарью, пошла на станцию, дежурный сказал, что можно уехать. Я скорей собралась, принесла чемодан от Нины и думала, что уеду. Пришла за билетом, а мне и не дали. Говорят: надо пропуск от начальника гарнизона г. Буя. Ох, уж я и поревела! Ночевала ночь и утром ушла пешком в Пищевку. Домой написала, чтобы похлопотали о пропуске. 21-го опять в Шарью на конференцию. Сейчас получила письмо от Шуры Вишневу, очень рада, хоть не забывает. В Шарье видела Нину Гладкову, поговорили с ней обо всем. Вспоминали Ветлугу, ей тоже очень хочется там побывать. Теперь она в Бурундучихе, 30 км от Шарьи по железной дороге. Ей пишут Голубев и Пушкин. В Шарье много военных, приехала та школа, в которую хотел ехать учиться Вадим. Много эвакуированных, в Ветлуге тоже. Ребят в Ветлуге больше прежнего, т. к. переехал лесной техникум из Горького, так что там весело. Вадька, наверно, гуляет с какой-нибудь москвичкой: Шура пишет, что Шурка Силкин гуляет с москвичкой. Да, как тяжело все переживать! Хочется хотя бы на денек в Ветлугу. Вера Калинина скоро поедет – какое счастье! Написала письмо Шуре Вишневу и Зине Флаковой.

19/IX – 41 года. Опять я начинаю страдать. Вчера Надя пела песню «Ночь светла», я вспомнила, как Вадька пел мне эту песню, когда сидели на лавочке у реки на бульваре, и не могла вытерпеть, так и заплакала. Ходили с Надей в Дюково осматривать школу. Вечером

пришли, поели и т. к. нет керосина, легли спать. Легли и все пели песни, но на душе у меня было тяжело. Надя получила от Ваньки письмо и фотокарточку, а мне от моего любимого ничего нет. Получила письмо от Любы Романовой. Можно бы немного написать о Петьке И., но не хочется. Сейчас буду писать письмо Любе Романовой.

Пишет, что писал, но не получил ответ. Неужели правда?! Я написала письмо Люсе Крук и домой, хотела нести на почту, и вдруг приносит письмо от Вади. Сидел Петька Игнашев. Он вчера был на комиссии, а сегодня, как пришел, сразу к нам. Какой счастливый сегодня день!

26/IX – 41 года. Вчера вечером сразу написала Ваде ответ. Сегодня весь день составляла отчеты за квартал и за м-ц о проделанной работе. Весь день сидит Петька Игнашев, надоел хуже горькой редьки. Скоро ли уж уйдет! В голове сладкие мечты о Вадиме. Где-то он теперь? Хоть бы захватило мое письмо его дома! Написала, что думаю, что он рассердился на свою новую знакомую и со злости на нее написал мне. Надо написать Наде Курановой ответ.

27/IX – 41 года. Сегодня видела Вадима во сне в военной форме, но он со мной не разговаривал. Весь день сидела и писала письма. Написала Зине (от нее опять получила) и Гале Смирновой. Ходили к Ник. Евлампьевичу за салом, познакомились с новой учительницей.

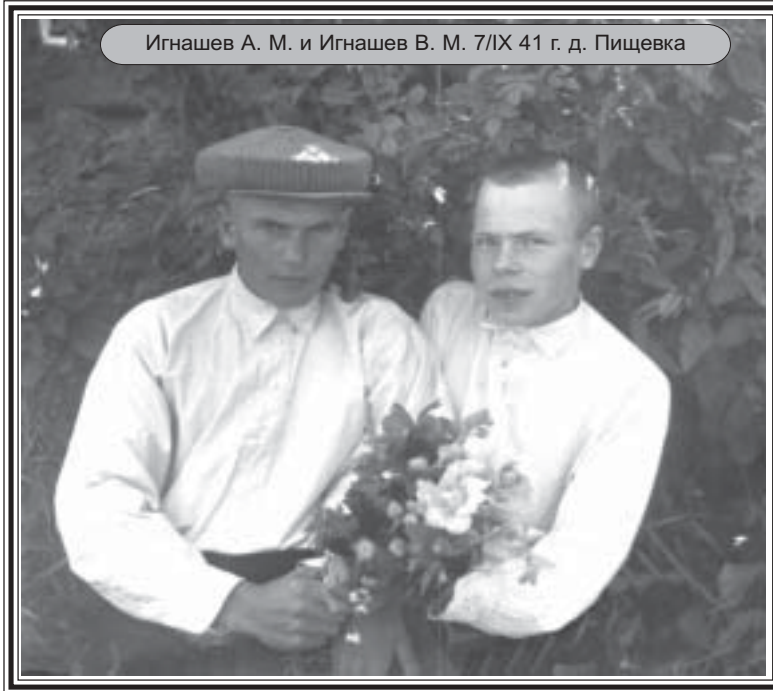
28/IX – 41 года. Встали, поели лепешек на постном масле, и пошли копать картошку у хозяйки. Весь день копали. Вечером пришел сначала Николай Арсентьевич и все рассказывал, как ходил на призыв и как учился в 10 кл., так мы все смеялись. Потом пришли Гарька Зыков и Петька Игнашев и стали играть в карты, а мы легли сначала на печку, а потом пошли и легли на кровать. С мыслями о Вадиме я вскоре заснула. До этого ворожила, и вышло: в голове письмо от червоного с любовью.

29/IX – 41 года. Разбудила хозяйка, к больной. Не успела встать, идет Сашка и несет письмо от Нади Курановой, второе письмо, но одно мое. Написала Письмо Марусе Б. и Пете Лебедеву. Все сидел Петька Иг. и писал мне записки, потом пришел Мишка Завьялов. Слава богу, наконец-то ушли! Вечером копали картошку, и у меня так болело сердце, все ждала письма. Пришли и легли на печку. Ребят нашла целая изба, и стали играть в карты: Петька принес бензина. Потом я ушла на кровать и не раздетая легла, т. к. еще не ужинали. Проснулась в 12 ч., все встали и стали ужинать. Каждый день вижу папу, будто он живой и живет с нами.

30/IX – 41 года. Утром еще лежу на постели, приносят 2 письма. Я так обрадовалась! Так и смеюсь от радости. Одно письмо из дома, другое - от Шуры Смирновой. Мама пропуск не достала. Сейчас буду писать письмо Шуре и домой. Домой не написала.

1/X – 41 года. Всю ночь видела во сне Генка Пушкина. Будто опять вместе учились. Где-то он теперь и вспоминает ли хоть когда меня? А я все же частенько стала его вспоминать. Часов в 10 я пошла на почту. Звонить по телефону в Кривячку, т. к. меня уж два раза вызывали, но не могла дозвониться, все занято. Потом вызвали в с/с писать повестки. Пришли и пошли копать картошку. Вечером ходили к больной, на вызов, к Нюре Игнашеву. К ним зашел ночевать какой-то инженер-химик из Ветлуги, идет в Кологрив. Какой хорошенький! Сказал, что наши сдали Полтаву. Пришли и стали играть в карты, все больше дураками были мы: я, Славка и Сано Виноградов.

(Продолжение в следующем номере)

Игнашев А. М. и Игнашев В. М. 7/IX 41 г. д. Пищевка

25/IX – 41 года. Вчера пришла из Шарьи и хочу хоть немного написать о своих впечатлениях. 21-го вышла из дому, шел дождь. У Дюкова догнала Григория Вас. и Тамару Мих. Они увидели, что я иду в тапках с галошами и в легонькой жакетке, и попросили одного старичка, Макара Ивановича, одеть меня. Меня одели в сапоги и в ватную жакетку. Весь день шел дождь. Шла с какой-то тетенькой, пришли в Шарью еще рано, но я все ждала, когда придет Медников, т. к. у них был мой портфель с документами и деньгами. Пообедала в столовой без хлеба. Пождала еще, но уж стемнялось, и полил проливной дождь. И я под этим дождем и пошла к Нюре (сестре Нины Гладковой). Иду, а сердце так и болит: что если они портфель потеряют. Так шла под дождем и плакала с досады на себя. Пришла вся сырая, а Нюры дома нет. 22-го пошла на конференцию одна, т. к. Нина с Верой не приехали. Потом они пришли уже в 11 часов на половине конференции. Меня совсем, было, перевели работать в Якшангу, но не отпустил Медников, туда переводят Нину Гладкову. Нина мне рассказала о Пушкине, она получила от него письмо. 18-го августа был бой, и он на себе вытаскивал раненых из-под огня врагов. За это ему присвоено звание Героя Сов. Союза, и правительственная награда. Мне так теперь жаль, что я не стала с ним гулять! В ночь на 23-е всю ночь видела его во сне в военной форме, но как я не погляжу на него, он все на меня даже не обращает внимания, мне было так обидно! Где-то он теперь?! Не знает, что я так много стала о нем думать. Сегодня перечитала весь дневник за 3-й курс. 23-го я провожала девчат на поезд, и мы познакомились с одним военным. Он так похож на Вадьку С. Я так и думала, что он и смеется так же. Да, видимо, зря я о нем думала, он давно уж забыл обо мне. Гулять бы с Генком, так тот, наверно бы, уж написал письмецо-то, не как этот. Да, сердце, сердце, зачем ты полюбило такого трепла! Ведь что писал!!!

Ходили в военкомат, но на учет меня поставят только в ноябре. Видимо, не бывать на фронте. Сейчас буду писать письмо Люсе Крук и Наде Курановой. От них недавно получила, и еще надо написать домой, что-то от них ни слуху, ни духу. Надя ушла в Кораблиху.

Вот так да! Что не ожидаешь – то и случается! Получила письмо от Вадима. Господи, я так рада, что не могу высказать!